

УДК 929

Два Эйтингона

Решетников Михаил Михайлович

Доктор психологических наук, профессор, ректор,

Восточно-Европейский Институт психоанализа,

197198, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Большой пр., П.С., д. 18 а;

e-mail: veip@yandex.ru

Аннотация

Наум и Макс Эйтингон – два прославленных представителя своей страны, каждый из них достиг вершин в своей области: один принадлежали к советской военнополитической элите, другой – вписал свое имя золотыми буквами в историю психоанализа, однако объединяло их одно – оба они являлись идеалистами, самозабвенно служили идее мирового баланса и старались защитить цивилизацию от угрозы фашизма.

Для цитирования в научных исследованиях

Решетников М.М. Два Эйтингона // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2014. – № 4. – С. 19-38.

Ключевые слова

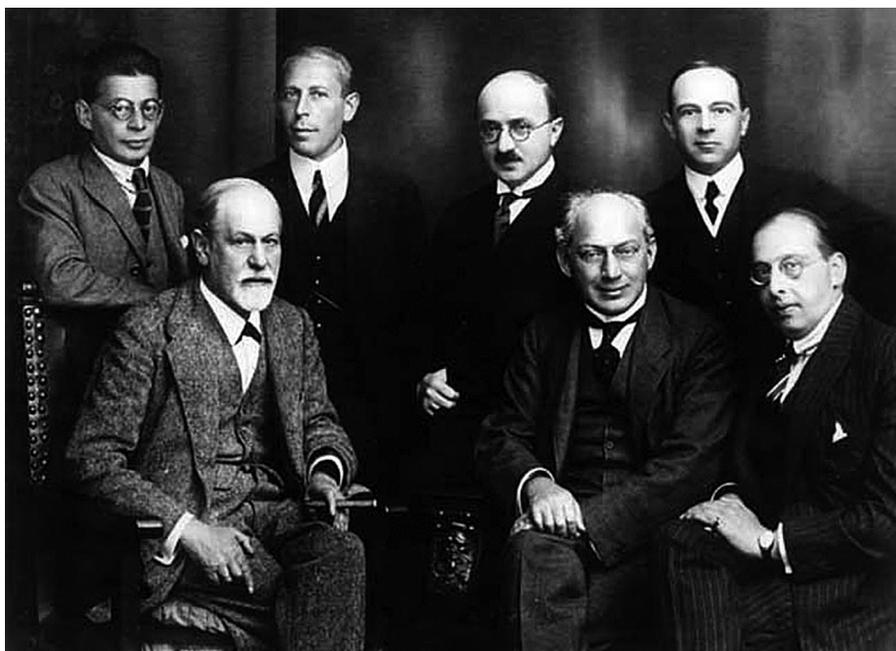
Макс Эйтингон, Наум Эйтингон, Мирра Биренс, Юлий Харитон.

Введение

То, о чем будет сказано вначале, похоже на библейскую историю. На протяжении, как минимум, двух столетий в Российской империи жили несколько поколений большой семьи Эйтингонов, которые, несмотря на известные при-

Автобиография
 Члена ВКП(б) Дмитрия
 Наума Исаковича
 п/б. № 3035385

Родился в ноябре 1899 года в гор. Могилеве.
 Отец мой был служащим, всю свою трудовую
 жизнь служил в конторе на Шкловской бульварной
 мой фабрике (впоследствии эта фаб. называлась
 «Спартак») и умер в 1916 году. После его смерти
 моя мать осталась с четырьмя детьми, из
 них я был старшим. С этого времени...

теснения евреев, безусловно, любили свою родину. По семейному преданию, во время нашествия Наполеона на Россию в 1812 году, один из Эйтингонов повторил подвиг легендарного костромского крестьянина Ивана Сусанина: вызвавшись быть проводником, он завел отряд вражеских солдат в непроходимые болота, где многие из них погибли. Французы повесили мужественного патриота, но в семье Эйтингонов память об этом подвиге бережно хранилась и передавалась из поколения в поколение.

В конце XIX века у двух представителей семейства – Ефима Эйтингона и Исаака Эйтингона родились сыновья. Сын Ефима получил при рождении имя Марк, а затем сменил его, и вошел в историю мирового психоанализа как Макс Эйтингон (1881–1943). Сын Исаака был назван Наумом, но затем он также сменил имя и стал Леонидом Эйтингоном (1889–1981). Мне неизвестны мотивы смены имени Марком Эйтингоном. Что касается Наума, то это было общей тенденцией в советской России, когда чекистыевреи брали себе русские имена. Затем, Леониду Эйтингону, ставшему профессиональным разведчиком не раз приходилось менять имя и страны, в которых он работал – в одних он был Котовым, в других – товарищем Пабло, в третьих Томом или Пьером. Макс Эйтингон имя больше не менял, хотя он также не раз был вынужден покидать уже полюбившиеся ему страны. Но это было позднее.

Они оба родились в Могилевской губернии Российской империи, которая в то время входила в «черту оседлости» для евреев, но в семьях с разным уровнем достатка и социальным положением. Отец Макса был удачливым и богатым предпринимателем, а отец Наума – конторщиком (по другим сведениям, управляющим) на бумажной фабрике. И это во многом определило жизненный путь двух братьев.

Я очень кратко коснусь их биографий, тем более, что биография Макса Эйтингона большинству психоаналитиков хорошо известна.

Макс Эйтингон

Макс Эйтингон с детства страдал логоневрозом, из-за которого был вынужден оставить школу, и получал домашнее образование. В 1893 году, когда

Максу было 12 лет, его родители переехали в Германию. Там Макс Эйтингон поступил в Марбургский университет¹ (1903) – вначале на философский факультет, но затем перешел на медицинский.

28 января 1907 года Макс Эйтингон впервые встретился с Фрейдом и вступил в Венское психоаналитическое общество. Некоторое время он работал в психиатрической клинике Бургхольцли в Цюрихе, где защитил докторскую диссертацию и близко сошелся с Карлом Абрахамом и Карлом Юнгом (у которого был ассистентом). Тогда же он прошел свой анализ у Фрейда (который занял около двух недель), и начал частную практику.

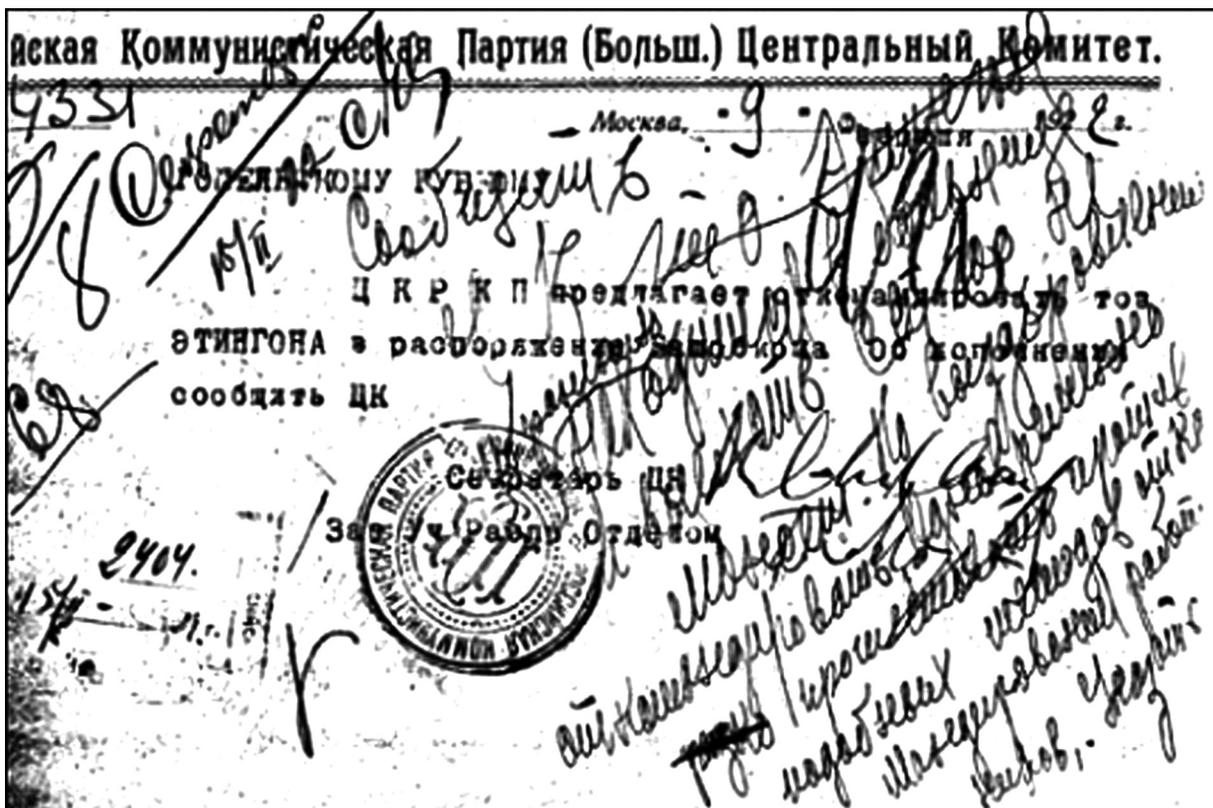
В этот же период Макс Эйтингон встречается (в 1913) с достаточно популярной среди московской богемы актрисой Миррой Биренс (Миррой Буровской), которая после развода с мужем – известным российским журналистом Борисом Харитоном, оставив малолетнего сына (Юлия Харитона) на попечение отца, уехала на лечение за границу. Вскоре Мирра становится женой Макса Эйтингона.

Затем Макс возвращается в Берлин, где вместе с Карлом Абрахамом создает Берлинское психоаналитическое общество, и на собственные средства учреждает первый в мире – Берлинский институт психоанализа (1920), психоаналитическую библиотеку и издательство. Именно в этом Институте впервые в качестве обязательных вводятся четыре основных компонента системы психоаналитического образования: теоретическое обучение, личный анализ, презентации случаев и супервизорское сопровождение начала практики.²

Затем вместе с женой Миррой Макс Эйтингон открывает и содержит быстро ставший популярным (и не только в Берлине) психоаналитический салон, где собирается самая изысканная публика, в том числе – представители высокообразованной русской эмиграции, обильно пополнившейся после вы-

1 В то время Марбургский университет был одним из центров русского студенчества на Западе.

2 Для реализации этих задач в Институт приглашаются уже получившие европейскую известность Франц Александер (1891–1964), Теодор Рейк (1888–1959), Карен Хорни (1885–1952), первый психоаналитик – не являвшийся врачом – Ганс Закс (1881–1947) и др. Хотелось бы обратить внимание, что большинству из этих, безусловно выдающихся специалистов к тому времени было от 25 до 32 лет.

сылки из России множества нелояльных к большевистской власти ученых и писателей («философский пароход», 1922).

После смерти Абрахама (в 1925) Макс Эйтингон становится президентом Международной психоаналитической ассоциации (и до настоящего времени остается единственным выходцем из России, который был избран президентом МПА). Когда к власти приходят фашисты (1933), Эйтингон вынуждено покидает Германию и уезжает в Палестину, где также создает Палестинское психоаналитическое общество, Палестинский психоаналитический институт (который сейчас носит его имя) и психоаналитическую библиотеку.

В историю психоанализа Макс вошел как блестящий организатор, талантливый популяризатор, спонсор и издатель работ Фрейда. Все поздние работы Фрейда были изданы на средства Макса Эйтингона. Более того, на протяжении длительного периода времени Макс Эйтингон (совместно с принцессой Марией Бонапарт), фактически, содержал семью Фрейда и вел ее финансовые дела.

Но кроме этого именно Макс Эйтингон являлся автором ряда основополагающих идей развития психоанализа и подготовки психоаналитиков, о которой уже было сказано. Эйтингону принадлежит также идея «основного правила психоанализа», когда пациенту предлагается говорить все, что ему приходит на ум, даже если возникающие мысли или идеи кажутся нелепыми, несущественными или вообще не относящимися к теме обсуждения, и даже если они вызывают чувство неловкости или стыда. В принципе, все остальные правила психоанализа, кушетка, протяженность сессий, обязательность оплаты и т. д., являются отчасти факультативными, а не обязательными условиями проведения анализа.³

3 Наиболее известным и самым последовательным приверженцем основного правила психоанализа считается Жак Лакан, который обосновывал, что сущность любого субъекта составляет эффект, производимый на него речью, в том числе – его собственной (Лекция от 15.04.1964), и поэтому основой любой психотерапии является работа со словом. Лакан, фактически, был первым, кто игнорировал все остальные (факультативные) правила психоаналитической работы, исходя из того, что для проработки сопротивления каждому пациенту требуется разное количество времени, поэтому продолжительность сессий у Лакана колебалась от нескольких минут до нескольких часов. Этот тезис Лакана в равной степени можно проецировать и на протяженность всей терапии – в одних случаях она может потребовать нескольких недель, а в других – несколько лет.

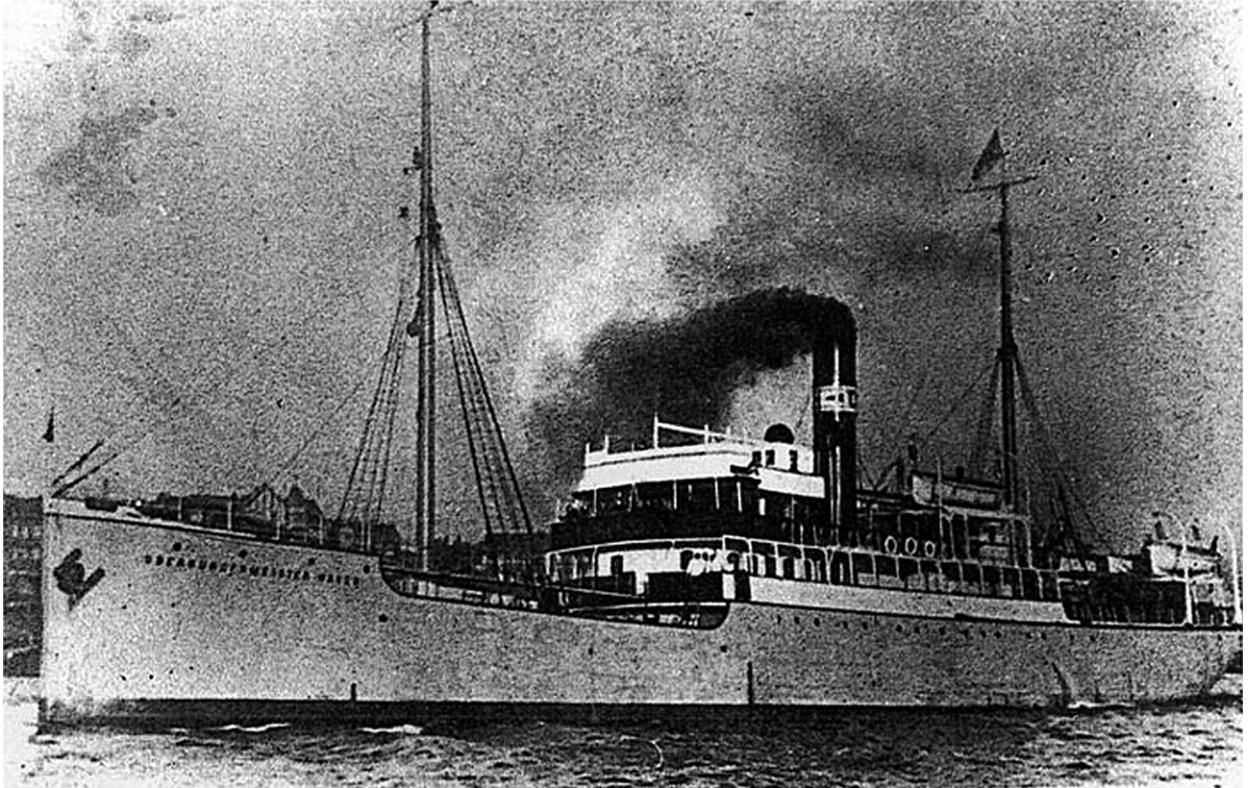

Максу Эйтингону не раз задавали вопрос о происхождении его богатства, но он отвечал уклончиво, ссылаясь на некие семейные накопления и контракты на поставку мехов из России, которые продолжали действовать и в советский период. Многие историки психоанализа высказывали предположения о финансировании деятельности Макса Эйтингона из фондов советской разведки, но точных данных об этом нет. Макс Эйтингон умер в возрасте 62 лет в Палестине.

Наум Эйтингон

Судьба Наума Эйтингона сложилась по-другому. Как уже отмечалось, он родился в семье служащего бумажной фабрики, учился в школе, а затем поступил в коммерческое училище. На пору его юности пришлось еврейские погромы в западных губерниях, которые, наверняка, оставили свой след в психике подростка. После ранней смерти отца (1912), когда Науму не исполнилось еще и 13 лет, ему пришлось оставить учебу и начать работать, чтобы поддержать семью. Богатые немецкие родственники, которые уже 19 лет жили в Германии, помощи не оказали. По одним предположениям, связь с ними была потеряна; по другим, родственники и до этого не имели особенно близких контактов. Третьи высказывали гипотезу о последующем восстановлении тесной, но секретной связи двух Эйтингонов, так как оба, якобы, состояли на службе в советской разведке. Но последнее предположение относится к более позднему периоду, и не имеет какихлибо официальных подтверждений. Тем не менее, косвенные признаки такой связи имеются, и о них еще будет сказано.

Вернемся к юности Наума Эйтингона. Ни богатых родителей, ни надежд на получение образования у него нет. Некоторое время он работает в отделе статистики городской управы, а затем (уже в советский период) переходит на службу в Губернский продовольственный комитет, где осуществляет чрезвычайные репрессивные меры по заготовке и распределению продовольствия, фактически, ведет вооруженную войну с крестьянством за хлеб. Затем Наум учится на курсах кооператоров и работает в Совете рабочей кооперации в Могилеве. В 1919 его призывают в рабоче-крестьянскую Красную армию, и с учетом его сравнительной образованности направляют на службу в ЧК, а через

некоторое время он становится заместителем председателя ЧК по Гомельской области – фактически, вторым человеком в систему карательных органов советской власти в этом регионе.

Чекисты ведут непримиримую борьбу, при этом – как с бандитизмом и национализмом, так и с «классовыми врагами» нового политического строя. В этот период Наум Эйтингон еще принадлежит к партии социалреволюционеров (эсеров), но в 1920 вступает в партию большевиков. В 1922 он впервые встречается с председателем Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК) и входит в число ближайших сподвижников Феликса Дзержинского (1877-1926), который был одним из инициаторов и главным исполнителем жесткой политики репрессий против противников большевистского режима. По некоторым данным, Наум принимал активное участие в истреблении зажиточных соплеменников, за что был проклят родной матерью в местной синагоге. В 1923 тридцатичетырехлетнего Наума направляют на учебу на Восточный факультет Военной академии Красной армии, где готовились элитные кадры советской разведки. После академии Наум Эйтингон отправляется в Китай, где создает советскую разведывательную резидентуру. В последующем аналогичные задачи им выполнялись в Испании, Иране, Турции, США и других странах. К самым значительным заслугам Наума Эйтингона советские историографы относят обеспечение вывоза золота Испании в Советский Союз (1936)⁴ и убийство главного оппонента Сталина – Льва Троцкого (20.08.1940) в Мексике, непосредственное исполнение которого было поручено завербованному Наумом Эйтингоном агенту Рамону Меркадеру (после провала операции под руководством художника Давида Сикейроса, также агента Эйтингона). По возвращении из Мексики Наум Эйтингон был награжден орденом Ленина и, по одной из легенд, приглашен для личной встречи со Сталиным.

Еще до войны Наум Эйтингон женился на необыкновенно красивой женщине, знаменитой парашютистке и рекордсменке мира Музе Малиновской,

4 Эйтингон, безусловно, не мог не участвовать в этой операции по вывозу 500 тонн золота, так как был в это время заместителем руководителя советской резидентуры в Испании. Золото, которое вывозилось на хранение, в конечном итоге пошло в оплату военной помощи Советского Союза республиканскому правительству Испании.

которая также периодически участвовала в выполнении диверсионных заданий, в частности – в подготовке операции по физическому устранению посла Германии в Турции Франца фон Папена (сентябрь 1941). Операция была неудачной, но о ней написано много книг и снят фильм.

Во время Второй мировой войны, Наум Эйтингон уже был заместителем одного из главных управлений НКВД, которое занималось разведкой и диверсиями в тылу у фашистов. Параллельно это же управление контролировало все вопросы, связанные с разработкой атомного оружия (попрошу читателя запомнить этот факт).

После войны, в период антисемитской компании, в 1951 году, уже в звании генерала, Эйтингон был арестован по обвинению в «сионистском заговоре в Министерстве государственной безопасности». Но, учитывая былые заслуги, его не допрашивали и не пытали, не направили в тюрьму или лагерь, а просто держали в изоляции на одной из правительственных спецдач. После смерти Сталина (март 1953) его освободили, но ненадолго. В августе 1953, когда был арестован Лаврентий Берия, а затем и сотни тех, кто был причислен к категории «людей Берии», Наум Эйтингон получил 12 лет заключения, который отбывал во Владимирской тюрьме («Владимирском центре»). Он был освобожден только по отбытию срока заключения в 1964. Учитывая хорошее знание языков, Эйтингон был принят на работу в издательство «Международные отношения». В последующие годы он неоднократно обращался в Центральный комитет КПСС с просьбой о пересмотре его дела, реабилитации и восстановлении в партии, но позитивного решения при жизни так и не получил. Умер в Москве в 1981 в 92 года. Был реабилитирован посмертно только в 1992 – уже после окончания советской эпохи. В настоящее время легендарному разведчику, которого писатели нарекли «карающим мечом Сталина», посвящены десятки статей и несколько книг.

Общее

Что общего было между этими двумя личностями? Во-первых, оба были, безусловно, высокоодаренными людьми. Во-вторых, оба служили идее и, не сомневаюсь, что служили искренне. Оба были успешными и добились про-

фессионального и общественного признания. Оба непосредственно контактировали со знаковыми историческими личностями. Оба ненавидели фашизм, и оба пострадали от тоталитарных режимов – один был вынужден эмигрировать в Палестину, а второй – оказался в тюрьме. Оба имели российские корни и, безусловно, всегда помнили о своих еврейских корнях. Оба оставили свой след в истории. Оба стали героями биографических исследований, книг и мифов.

Но есть и еще многое другое, что заставляет задуматься о возможности менее явной, но более тесной связи между судьбами двух Эйтингонов.

Нюансы и свободные ассоциации

Как я уже писал, в 1913 году Макс Эйтингон женился на актрисе Мирре Яковлевне Буровской (1877–1947), более известной под псевдонимом Мирра Биренс, которая в 1908-1910 играла во МХАТе. Это был второй брак Мирры, а в первом она была замужем за Борисом Осиповичем Харитоном (1876–1942) и стала матерью Юлия Борисовича Харитона (1904–1996).

Кем был первый муж Мирры?

Борис Харитон родился в семье купца – Иосифа Давидовича Харитона. Детство Бориса прошло в Феодосии. Затем он окончил юридический факультет Киевского университета; был издателем газеты «Южный курьер» (1902) в Керчи, затем главным редактором газеты «Вестник Юга» в Екатеринодаре (ныне – Краснодар). В 1907 Борис Харитон развелся с Миррой и в последующем сына воспитывал один. В 1910-ом он уже выпускающий редактор петербургской кадетской газеты «Речь», а после Октябрьского переворота (с 1919) член правления Общества взаимопомощи литераторов и ученых, секретарь Союза журналистов советской России. Заведовал Домом литераторов (в то время это было что-то вроде общежития для писателей) и принимал участие в издании «Летописи дома литераторов».

Но в 1922 году вместе с группой «неблагонадежных» писателей, ученых и философов Борис Харитон был выслан из страны (уже упомянутые «ленинские

пароходы»). Он оказался в Берлине, где редактировал журнал «Спологи». Напомню, что в это же время в Берлине живет и работает Макс Эйтингон с женой Миррой – первой женой Бориса Харитона. Эйтингоны содержат чрезвычайно популярный в Берлине, в том числе – среди русской эмиграции, психоаналитический салон. Трудно поверить, что они не встречались с Борисом Харитоном. Затем Борис Харитон переезжает в Ригу (1924), где работает редактором еврейской русскоязычной газеты «Народная мысль», а в последующем становится постоянным редактором газеты «Сегодня вечером» (до 1940). Он также участвует в работе рижского издательства «Жизнь и культура», редактирует выходившие в это время в Риге собрания сочинений Лермонтова, Толстого, Тургенева и Пушкина. В ноябре 1936 года русская эмиграция торжественно отметила его 60-летие.

В 1940 году (в соответствии с пактом Молотова–Риббентропа) советские войска вошли в Латвию, и была образована Латвийская Советская Социалистическая Республика. Борис Харитон был арестован и осужден на 7 лет исправительно-трудовых лагерей, в которых и умер в 1942 году.

Кем был сын Мирры Эйтингон?

Сын Мирры – Юлий Борисович Харитон (190... – 1996). Напомню, что непролетарское происхождение в период советской власти уже было своеобразным клеймом. А Юлий Харитон должен был указывать в графе о происхождении – либо «из купцов», либо «из интеллигенции». В разделе о матери он должен был писать – бывшая актриса МХАТа, находится в эмиграции или постоянно проживает за границей с 1907. Об отце ему нужно было указывать – из купцов, юрист или издатель, и обязательно отмечать – выслан из страны как враждебно настроенный элемент в 1922. Для тех, кто знает историю советской власти, помнит о внимании к вопросам происхождения в партийных и комсомольских ячейках, а также всевидящем оке уже сформированной (еще в 1917) для борьбы с внутренней контр-революцией Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК), такая биография звучит почти как приговор.

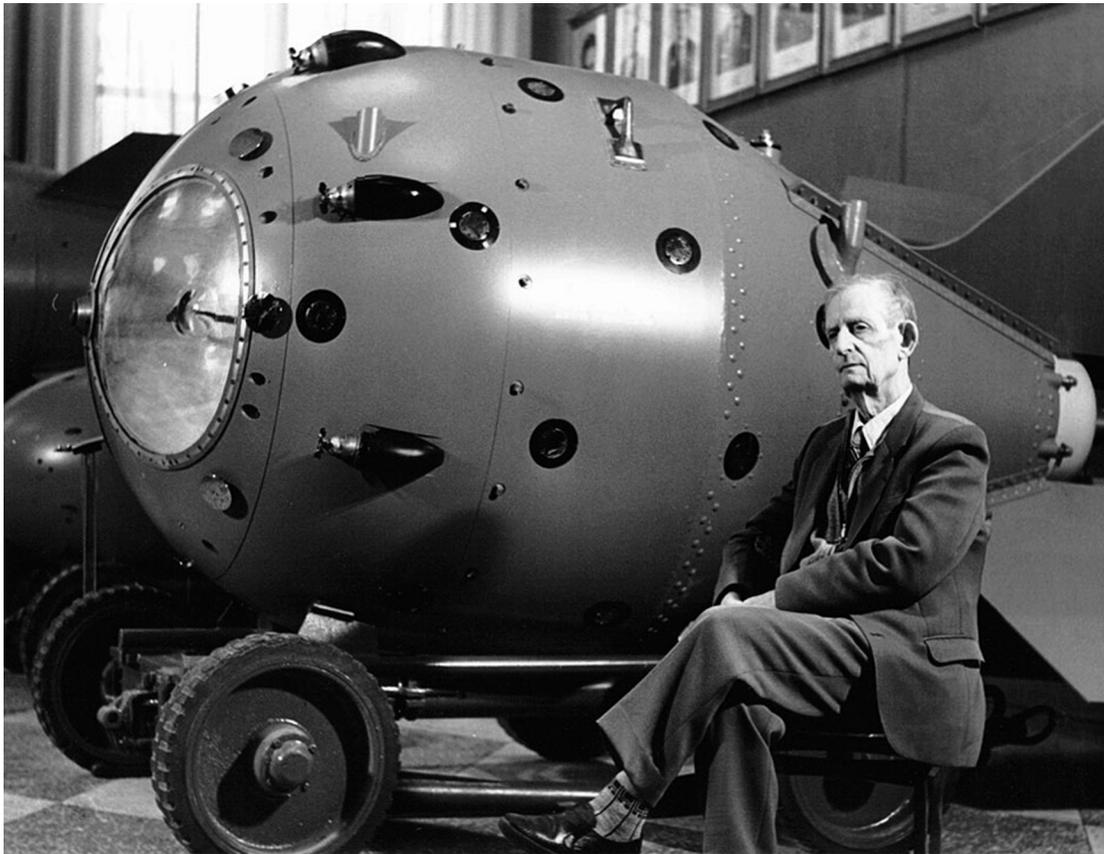
Но, несмотря на все эти («порочающие его») факты биографии, Юлий Харитон успешно учится и получает диплом Ленинградского политехническо-

го института (1925), напомню еще раз – когда его отец уже был выслан из страны (1922), как враждебный элемент. И это может наводить на предположения о том, что вместе с высылаемыми могли быть и «засылаемые». С 1921 Юлий Харитон (еще до высылки отца) начинает работать в Физикотехническом институте под руководством будущего лауреата Нобелевской премии (1956) академика Н.Н. Семенова, и высылка Бориса Харитона никак не сказалась на его карьере. Более того, через некоторое время после этого (в 1926) сын «враждебного элемента» был направлен в Кавендишскую лабораторию (Кембридж, Великобритания), где два года стажировался у другого будущего лауреата Нобелевской премии – отца ядерной физики Эрнеста Резерфорда. В 1931 он уже руководитель лаборатории взрыва, где разрабатываются проблемы детонации, теории горения и взрыва. В 1935 году он без защиты (по совокупности работ), получает ученую степень доктора физико-математических наук, работает в ведущих институтах АН СССР. Затем Юлий Харитон входит в состав секретной группы советских ученых, привлеченных к созданию атомного оружия, и не в качестве рядового исполнителя, а как один из руководителей этого секретного проекта (совместно с академиком И.В. Курчатовым).

В 1946 Юлий Харитон (сын арестованного в Латвии, как врага народа, и умершего в советском концентрационном лагере Бориса Харитона⁵) уже главный конструктор и научный руководитель сверхсекретного конструкторского бюро (КБ11, более известного как Арзамас 16) в Сарове. Результатом разработок этого КБ стали успешные испытания советской атомной (29.08.1949) и советской водородной (12.08.1953) бомб. При этом, атомная бомба разрабатывалась вообще без какого-либо технического задания, все работы проводились по устным указаниям Юлия Харитона, а водородная – была испытана всего через 9 месяцев после взрыва первой американской водородной бомбы (1.11.1952).

Как мы помним, разведкой в области ядерного оружия не просто занимался, а руководил генерал Наум Эйтингон. А изобрел это оружие (в некото-

5 Арест Бориса Харитона совсем не исключает предположения о его предшествующей деятельности в качестве советского разведчика. Подозрительность чекистов носила паранойяльный характер, и всех, кто работал за рубежом, подозревали в перевербовке западными разведками.

ром смысле – «пасынок» Макса Эйтингона и «племянник» Наума Эйтингона) – Юлий Харитон.

У меня нет ни малейшего желания скольконибудь умалять заслуги, вне всякого сомнения – выдающегося советского ученого. Но обращаюсь к некоторым фактам, которые были опубликованы историком и исследователем данной проблемы Г.А. Гончаровым (1996).⁶ Этим автором в частности, отмечается, что начало работ по использованию ядерной энергии в военных целях было «стимулировано разведывательной информацией о проведении работ по сверхбомбе в США, начавшей поступать в 1945 году». Автор также приводит высказывание академика А.Д. Сахарова о том, что разработка была «цельно-стянутой». В этой же работе Г.А. Гончарова отмечается, что качественные изменения в работе над водородной бомбой начались после 13 марта 1948, когда некто К. Фукс в Лондоне передал через сотрудника советской разведки А.С. Феклисова материалы, включавшие подробное описание водородной бомбы.

23 апреля 1948 года нарком Л.П. Берия поручил И.В. Курчатову и Ю.Б. Харитону тщательно проанализировать эти разведданные, дать свое заключение об их практической ценности, а также представить предложения по поводу того, кому персонально и в какие сроки должна быть поручена работа по их проверке и реализации.

5 мая 1948 года Ю.Б. Харитон представил свое заключение по материалам К. Фукса, в котором говорилось, что эти материалы содержат ряд весьма интересных и ранее неизвестных сведений, которые относятся к сверхбомбе. Даже если согласиться с мнением академика А.Д. Сахарова – для того, чтобы за две недели разобраться в неких, скорее всего – далеко не полных и ранее неизвестных сведениях, и затем реализовать их, создав отечественное атомное оружие, требуется уникальный интеллект, высочайшая научная эрудиция и интуиция, и талант организатора и руководителя.

Харитон был и останется в истории нашей страны выдающимся советским ученым, физикоматомщиком, академиком АН СССР, трижды Героем Социалистического Труда, лауреатом Ленинской премии и трех Государствен-

6 Гончаров Г.А. Основные события истории создания водородной бомбы в СССР и США // Успехи физических наук. – 1996. – № 10. – Т. 166. – С. 1095-1104.

ных премий СССР, депутатом Верховного Совета СССР, кавалером пяти орденов Ленина... Умер в 1996 в Сарове.

Заключение

Наум Эйтингон и Юлий Харитон, безусловно, принадлежали к советской военнополитической и научной элите, работали в области одних и тех же секретных проектов, и встречались с одними и теми же чиновниками, офицерами советской разведки и членами правительства. Трудно поверить, что они не знали о связующем их звене (Мирре Эйтингон и Максе Эйтингоне), также как и предполагать, что эта связь прошла мимо всевидящего ока КГБ.

В психоаналитических кругах предположения о возможной связи Макса Эйтингона с советской разведкой стыдливо замалчиваются или отвергаются. А я не вижу в этом ничего предосудительного, и моя точка зрения на такие вопросы уже не раз излагалась, но повторю еще раз.

И Макс, и Наум были идеалистами – они самозабвенно служили идее мирового баланса и старались защитить цивилизацию от угрозы фашизма.

Библиография

1. Бугай Н.Ф. Итоги сталинского правления в государственной национальной политике. 1920-1950-е годы // «Белые пятна» российской и мировой истории. – 2013. – № 5-6. – С. 43-76.
2. Гончаров Г.А. Основные события истории создания водородной бомбы в СССР и США // Успехи физических наук. – 1996. – № 10. – Т. 166. – С. 1095-1104.
3. Серебрякова Ю.В. Подвижная терминологическая карта философских понятий: место сочетания смыслов. Размышления о призвании // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2012. – № 4. – С. 6-17.
4. Чеснокова Л.В. Концепты метафизического страха (Angst) и безопасности (Geborgenheit) в немецкой философии культуры // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2013. – № 1-2. – С. 58-71.

Two Eitingons

Mikhail M. Reshetnikov

Full doctor of psychology, professor,
head of East European Institute of Psychoanalysis,
197198, 18a Bolshoi avenue P.S., St. Petersburg, Russian Federation;
e-mail: veip@yandex.ru

Abstract

Naum and Max Eitingons are two famous men of their country. Both of them have achieved success: the former belonged to the Soviet military-political elite, the latter was a well-known psychoanalyst, but they were idealists who selflessly served the idea of the world balance and tried to protect the civilization from the menace of fascism. Naum Eitington and Yulii Khariton undoubtedly belonged to the Soviet military-political and scientific elite, worked on the same secret projects and met with the same officials, officers of the Soviet intelligence service, and members of the government. It is difficult both to believe that they did not know about the link that connected them (about Mirra Eitington and Max Eitington) and to think that this was not noticed by the all-seeing eye of the Committee for State Security. In the circle of psychoanalysts the assumption about the possible relation between Max Eitington and the Soviet intelligence service is shyly slurred over or rejected. The author of the article does not consider this possible relation to be reprehensible and continues to regard Naum and Max as two idealists that selflessly served the idea of the world balance and tried to protect the civilization from the menace of fascism.

For citation

Reshetnikov, M.M. (2014) Dva Eitingona [Two Eitingons]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 4, pp. 19-38 (In Russian).

Keywords

Max Eitington, Naum Eitington, Mirra Birens, Yulii Khariton.

References

1. Bugai, N.F. (2013) Itogi stalinskogo pravleniya v gosudarstvennoi natsional'noi politike. 1920-1950-e gody [The outcome of the Stalin era in the national policy. The 1920-1950s]. *"Belye pyatna" rossiiskoi i mirovoi istorii* ["White Spots" of the Russian and World History], 5-6, pp. 43-76.
2. Chesnokova, L.V. (2013) Kontsepty metafizicheskogo strakha (Angst) i bezopasnosti (Geborgenheit) v nemetskoj filosofii kul'tury [The concepts of metaphysical fear (Angst) and safety (Geborgenheit) in the German philosophy of culture]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 1-2, pp. 58-71.
3. Goncharov, G.A. (1996) Osnovnye sobytiya istorii sozdaniya vodorodnoi bomby v SSSR i SSHA [The principal events of the history of inventing the hydrogen bomb in the USSR and the USA]. *Uspekhi fizicheskikh nauk* [Achievements of physical sciences], 10, pp. 1095-1104.
4. Serebryakova, Yu.V. (2012) Podvizhnaya terminologicheskaya karta filosofskikh ponyatii: mesto sochetaniya smyslov. Razmyshleniya o prizvanii [The moving terminological map of philosophical concepts: the place of combined meanings. Reflections on vocation]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 4, pp. 6-17.